
И. В. Побережников, Д. А. Редин

**ИССЛЕДОВАНИЕ ФЕНОМЕНА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРЕХОДНОСТИ:
В ПОИСКАХ «МЕТОДИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО КОНСЕНСУСА»***

Научный интерес к переходным эпохам в истории человечества обнаруживается достаточно рано. Если для российской исторической науки такой точкой отсчета можно определить 40–50-е гг. XIX в., в частности, труды Т. Н. Грановского, недвусмысленно сформулировавшего проблему в одной из своих лекций, названной «О переходных эпохах в истории человечества»¹, то отдельные теоретические предпосылки исследования переходных состояний, на примере, в частности, анализа и осмысления эволюции политического режима можно усмотреть уже в творчестве мыслителей Античности (Платон, Аристотель, Полибий, Цицерон), а в более развитом виде – в трудах европейских просветителей: Дж. Вико, Ф. Вольтера, Ш. Монтескье, П. Гольбаха, М.-Ж.-А. Кондорсе, И. Г. Гердера² и др. По справедливому мнению Е. Н. Мошелкова, среди основных вопросов, которыми задавались перечисленные авторы, одним из важнейших был «необходимый связующий вопрос – что лежит между старыми и погибающими системами и новыми, возникающими, или как осуществляется переход от старого к новому, какова природа этого переходного общественного состояния?»³

В то же время в более широком, общетеоретическом плане само понятие «переходного периода» довольно позднего происхождения и возникло, как считают И. М. Савельева и А. В. Полетаев, как следствие отказа от определения стационарных периодов по событиям и акцентирования внимания на обратный процесс – выделения стационарных периодов, а затем – поиска границы, отделяющей один такой период от другого⁴. Поскольку точная датировка «разрыва» в таком случае оказывалась невозможной, «разрыв» должен был определяться как *период* (Курсив наш. – Авт.). В середине XIX в. началось обсуждение проблемы переходного этапа, пролегающего между двумя качественно различными (но внутрен-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» в рамках исполнения государственного контракта 02.740.11.0348 шифр 2009-1.1-301-072 по теме «Социокультурные и институционально-политические механизмы исторической динамики переходных эпох».

не однородными) эпохами истории Запада: Средневековьем и Новым временем. Возможно, первым автором, попытавшимся обозначить переходный этап между Средней и Новой историей, был Жюль Мишле, выделявший в одном из томов своей «Истории Франции» в качестве такого переходного периода эпоху Ренессанса. В исторических исследованиях «разрывы» концептуализируются как динамические переходные периоды, на протяжении которых формируются новые структуры. Зачастую эти периоды идентифицируются как «кризисы». Знаменательно в этом отношении название сборника научных статей, увидевших свет в 2008 г.: «Социокультурные процессы в переходные и кризисные эпохи» (Цивилизации. Вып. 8. М., 2008), акцентирующее тесную связь (если не идентичность) переходных и кризисных состояний.

Современная научная ситуация, особенно последних десятилетий, значительно актуализировала проблему переходности, обозначив ее как одну из глобальных, имеющих подлинно междисциплинарное теоретико-методологическое значение как для естественных, так и для общественно-гуманитарных наук. За несколько истекших лет тема переходных эпох находится в фокусе приоритетных научных интересов специалистов-гуманитариев самого разного профиля. Достаточно в этой связи отметить идущие в едином тематическом русле обсуждения проблемы, происходившие в 2003–2007 гг. под эгидой ведущих академических институтов: ИВИ, ИМЛИ, ИФ, ИМЭМО РАН и нашедших свое отражение в ряде коллективных трудов. С 2009 г. изучение феномена исторической переходности стала одной из приоритетных тем совместных исследований историков Уральского государственного университета (ныне – Уральского федерального университета) и Института истории и археологии Уральского отделения РАН. Подобный интерес к проблеме переходности обусловлен как ее мощным теоретическим потенциалом, так и перспективой практического применения ее теоретико-методологических наработок в конкретно-исторических интерпретациях. Сложнейший объект гуманитарного познания – человек – в его социально- и культурно-антропологическом проявлении, требует принципиально новых теоретических подходов и методических инструментов и поиск последних сегодня «сопровождается пересмотром и усложнением представлений о развитии, в котором акцентируется его сложный, противоречивый, разнонаправленный характер, пульсирующий ритм: чередование стадий эволюции и инволюции, интеграции и дезинтеграции, временных стагнаций и регрессов, хаотизации социокультурной жизни, убыстрения и замедления процессов, распада старых и создания новых структур»⁵.

Пытаясь определить собственное понимание переходного общества с учетом имеющихся на сегодняшний день историографических оценок,

мы склонны трактовать его как гетерохронный сложный агрегат, имеющий множество измерений и множество уровней, скорость изменений которых может существенно варьироваться. Следствием дифференциации темпов изменения социальной материи становится длительное сосуществование разностадийных, разнотипных, разновекторных социальных механизмов (укладов, анклавов), сегментов, проектов, которые функционируют отнюдь не в вакууме, а в плотном историческом контексте, образуя исторические констелляции, оказывая друг на друга воздействия, приводящие к обоюдным трансформациям⁶.

Следует также учитывать, что динамика переходных периодов детерминируется, помимо факторов внутреннего происхождения, факторами экзогенными. Последние (системные зависимости, межстрановая конкуренция, демонстрационный эффект, диффузия экзотических инноваций) могут ускорять процессы социальной динамики, могут их корректировать, трансформировать, деформировать или блокировать. Нередко воздействие указанных факторов бывает противоречивым и разновекторным. Так, диффузия, с одной стороны, может способствовать конвергенции, страновой гомогенизации; с другой же стороны, обеспечивая трансплантацию экзотических инноваций в различные социоисторические ландшафты, она усиливает пестроту, анклавность транзитных сообществ.

Поскольку именно люди создают новые структуры, подвергают обществу реструктуризации, постольку исторический транзит должен рассматриваться как арена социальных взаимодействий, делание истории «снизу» людьми, потребности и мотивации которых также подвергаются изменениям, адаптируются к запросам времени и, в то же время, оказывают существенное воздействие на рисунок будущего общества.

Переходный процесс можно представить как сложную систему взаимодействий между различными субъектами, в том числе социальными, политическими, территориальными, как сложную череду внутренних и внешних импульсов и реакций на них, положительных, отрицательных или нейтральных; как продолжительный континуум, в рамках которого осуществляется взаимодействие между прошлым, настоящим и будущим, между традицией и новацией, трансформирующее как ту, так и другую. При этом «осовременивание» одной из сфер общественного организма может осуществляться за счет других. Элементы новации и традиции могут принимать самые причудливые конфигурации в контексте конкретного общества, в том числе в моделях образа жизни.

В итоге исторический переход оказывается сложным процессом, не сводимым к элементарному вымыванию устаревших традиций и замене их позитивными новациями. Вообще он не может быть сведен к механическим перемещениям, приращениям и убываниям. Этот беспокойный

период оформляется человеческой деятельностью, рефлексией, которая создает общество путем совмещения множественных процессов различной направленности, частично перекрещивающихся, частично сближающихся, частично расходящихся, поддерживающих или уничтожающих друг друга.

Обращаясь к определению роли и места социокультурных и институционально-политических механизмов в обеспечении исторической динамики перехода от средневековья к новому времени на материале стран Западной и Восточной Европы, включая Россию, следует учесть одну особенность, присущую, как нам представляется, большинству «транзитологических» исследований. До сих пор все усилия гуманитариев были, главным образом, сосредоточены на решении теоретико-методологических аспектов проблемы. В меньшей степени осуществлялись попытки приложения теоретических штудий к нуждам эмпирических исследований. Это приводило к довольно распространенной ситуации: разобщению «эпистемологизирующих» и «практикующих» историков, возникновению взаимного непонимания или, точнее, «нераспознавания» друг другом специалистов, устремленных, в общем-то, к достижению единой цели.

Желание преодолеть подобное «неузнавание» (как бы тяжело это ни давалось) побуждает к определению подходов, позволяющих адаптировать имеющиеся теоретически-концептуальные основы к потребностям и состоянию конкретно-исторических исследований социумов переходной эпохи от средневековья к новому времени. Подобная адаптация, или, если угодно, «методико-методологический консенсус» сам по себе имеет важное значение и с обостренной очевидностью проявил себя именно на новейшем этапе развития гуманитарного, в частности, исторического, знания: в состоянии «постпостмодерна». Объясняя новый интерес гуманитариев к изучению макропроцессов (при все нарастающей востребованности микроистории!), члены редколлегии уже упоминавшегося восьмого выпуска сборника «Цивилизации» заметили, что интерес этот вполне закономерен «в ситуации рождения новой научной парадигмы, которая (что особенно заметно в сфере гуманитарных наук) – в противовес постмодернистскому отказу от “большого нарратива” – вновь актуализирует разработку принципов общей теории систем, интерес к изучению макропроцессов и макросдвигов, созданию универсальных теорий...»⁷. Абсолютно разделяя процитированное мнение, считаем целесообразным его развить. Уникальность сегодняшней ситуации заключается в том, что историческая наука (как и все явления современной общественной жизни) значительно ускорила в темпах своего развития. Едва преодолев кризис модерна, современное гуманитарное знание пресытилось играми постмодерна. Исследовательские практики за

последние двадцать – двадцать пять лет перестали поспевать за быстрым калейдоскопом меняющихся эпистемологических установок. Между тем, по большому счету все попытки осмысления и объяснения исторического процесса по-прежнему можно свести к двум генеральным направлениям: макро- и микроописаний. Стремление человеческой мысли к универсальности порождает соблазн конструирования макротеорий, претендующих на полную и абсолютную интерпретацию любых социо-культурных и социально-экономических трансформаций, переживаемых человечеством на различных этапах его существования. Развитие обществоведения нового и новейшего времени имело своим результатом формирование трех влиятельных социологических макротеорий, активно применяемых в исторической науке: формационной, цивилизационной и модернизационной⁸. Однако неизбежное «спрямление» исторического процесса, свойственное любым макротеориям, пренебрежение деталями, многочисленными региональными, локальными особенностями, невозможность привести к «единому знаменателю» все богатство разнообразия жизни, рано или поздно приводят к кризису макротеорий, к осознанию их «неуниверсальности», к дискредитации самой идеи широких обобщений и к формированию «недоверия в отношении метарассказов»⁹. Одной из реакций на подобную ситуацию выступает отказ от попыток макроконструирования как такового, обращение к практикам микроисторических исследований, созданию «интровертных» типов «местных историй»¹⁰, ориентированных на узко краеведческий формат и порождающих ситуацию мелкотемья, накопления совокупности локальной фактологии, изолированной от более или менее широкого исторического контекста.

Новейшая отечественная историография за последние двадцать с небольшим лет в полной мере испытала на себе и разочарования метарассказа (в рамках формационного объяснения), и соблазн его быстрого восстановления на основе новой, «обновленной», «более адекватной» макротеоретической базы (цивилизационной или модернизационной), и прелести микроподходов антропологической интерпретации исторического процесса, и сегментацию исторического знания, явленную как глубокой специализацией разработки отдельных сюжетов, так и краеведчески ориентированной, «интровертной» историей локусов, о которой упоминалось выше. И даже если в результате всех перечисленных поисков кризис отечественной исторической науки так и остался непреодоленным¹¹, то по крайней мере два обстоятельства не могут не внушать оптимизма. Во-первых, ни один из практикуемых подходов или методологических вариантов не превратился (несмотря на соблазны) в официально-давящий, имеющий статус «идеологического монизма». Во-вторых, при всей диск-

ретенности современной исторической науки (или, скорее, профессионального сообщества историков), можно с долей осторожности констатировать попытки примирения или сближения макро- и микроподходов в изучении исторического наследия, поиск того баланса, той «золотой середины», которая, в конечном счете и является залогом гармоничного развития процесса познания в целом. В этом смысле импульсы к методикометодологическому сближению приходят из обоих «лагерей».

С одной стороны, несомненную способность к эволюции, а значит — неисчерпанность эпистемологических и эвристических возможностей продемонстрировала модернизационная теория. Современная версия модернизационного анализа (неомодернизационный анализ, взявший начало с конца 1980-х гг.) постепенно освобождается от издержек и недостатков, свойственных классической теории модернизации первой половины XX в. В контексте сказанного принципиально важно то, что теоретическое ядро современной версии модернизации формируется с учетом признания национальных моделей модернизации, имеющих местную социокультурную окраску; акцентирования внимания на роли коллективных и индивидуальных акторов модернизационных процессов в конкретной исторической ситуации; осознания возможности различного поведения отдельных социумов модернизирующегося общества; признания диалектического единства традиций и новаций в обществе модернизационного перехода и т.п.¹² Интерес к истории и роли реальных посредников модернизационных импульсов в стране-«реципиенте», представление о рецепции модернизационных идей как активного, встречного и многопланового процесса, полного осознанных отборов и адаптций, характерен для целого направления европейской (в частности, французской и австро-германской) историографии¹³.

С другой стороны, можно привести разнообразные примеры осознанного использования микроподходов и результатов исторического микроанализа в дальнейшем конструировании широких обобщений в рамках национальной (страновой) и всеобщей истории. Это может происходить как с помощью особой заданности целеполагания микроисторического исследования, когда история локуса реконструируется как модель для осмысления надлокальных и глобальных процессов («история в малом», о которой писал, например, Ю. Л. Бессмертный¹⁴), так и путем выбора масштаба объекта исследования: некоего «мезообъекта», позволяющего применить по отношению к себе методы микроанализа, но являющегося по своей природе явлением надлокальным, или, пользуясь словами Л. П. Репиной, локально-территориальной структурой среднего звена, феноменом вторичного, регионального уровня, «более крупного масштаба, чем городские и сельские приходские общины»¹⁵. Но в любом случае, истори-

ки, серьезно и продуктивно практикующие микроисторические методы, признают смысл локальных штудий в их контекстной включенности в широкое пространство исторического макропроцесса, осознавая потребность в интегральной программе исторического анализа¹⁶.

Собственно говоря, именно с таких позиций сближения макро- и микроподходов в изучении феномена исторической переходности, поиска точек соприкосновения теоретического и эмпирического знания и формировалась концепция Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Россия и Запад в переходный период от средневековья к новому времени (XVI – первая половина XIX в.)», организованной и проведенной историческим факультетом Уральского государственного университета им. А. М. Горького и Институтом истории и археологии УрО РАН 14–17 ноября 2010 г. в Екатеринбурге.

Статьи, написанные на основе докладов ряда участников конференции и составившие содержание настоящего сборника, демонстрируют, как на основе разнообразного фактического материала авторы размышляют об общем и особенном исторического развития России и ряда европейских стран в эпоху перехода от средневековья в новое время, рассматривают модели взаимодействия традиционных структур с институтами модерна, предлагают свои варианты теоретического осмысления феномена исторической переходности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Грановский Т. Н. О переходных эпохах в истории человечества // Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М., 1987.

² Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. Л., 1940; Вольтер. Философские сочинения. М., 1988; Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. М., 1955; Гольбах П. Избранные произведения. М., 1963; Кондорсе М. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936; Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.

³ Моцелков Е. Н. Переходные политические процессы. Философско-политологический анализ российского опыта. Дисс... доктора полит. наук. М., 1997. С. 29.

⁴ Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. СПб., 2003. Т. 1. С. 501–502.

⁵ От редколлегии // Цивилизации. М., 2008. Вып. 8: Социокультурные процессы в переходные и кризисные эпохи. С. 6.

⁶ Заслуживает внимания мысль Антуана Про о наличии связи между историей (процессом истории) и структуризацией (кристаллизацией структурных связанностей): «Время историков предстает, таким образом, как уже структурированное, уже артикулированное время. <...> Однако период представляет и подлинно научный интерес: он указывает на то, что одновременность не является случайным совпадением, простым рядоположением, связывающим факты разного порядка. Различные элементы, составляющие период, более или менее тесно связаны между собой. Они “идут вместе”. Это — *Zusammenhang* немцев. Они объясняют друг друга. Целое учитывает части». (Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С. 120.).

⁷ Социокультурные процессы в переходные и кризисные эпохи. С. 5–6.

⁸ *Побережников И. В.* Теория модернизации: основные этапы эволюции // Проблемы истории России. Вып. 4. Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 217.

⁹ *Румянцева М. Ф.* Историческое сознание и историческая наука в ситуации постмодерна // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. М., 2002. С. 41–51.

¹⁰ *Румянцева М. Ф.* Новая локальная история в системе университетского образования // Образ науки в университетском образовании. М., 2005. С. 47–48.

¹¹ *Беленький И. Л.* Несколько замечаний к проблеме «кризис исторической науки» // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. М., 2002. С. 66–69.

¹² *Побережников И. В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006. С. 91–114; *Он же.* Микроистория: действия и структуры в историческом контексте // Уральский исторический вестник. 2010. № 4 (29). С. 8–13.

¹³ *Шарф К.* Монархия, основанная на законе вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008. С. 14–16.

¹⁴ *Бессмертный Ю. Л.* Многоликая история (проблема интеграции микро- и макроподходов) // Казус-2000: Индивидуальное и локальное в истории. М., 2000. С. 52–61.

¹⁵ *Ретина Л. П.* Новая локальная история // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX веках. Челябинск, 2003. С. 22.

¹⁶ *Ретина Л. П.* Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. Часть II // Социальная история. Ежегодник 1998/99. М., 1999. С. 17.